

О.И. Жмурко

ДИАЛЕКТНЫЙ СЛОВАРЬ С ПОЗИЦИЙ ТЕОРИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Ивановский государственный университет
Email: oizhmurko@mail.ru

В статье рассматривается концепция языковой личности Ю.Н.Караулова в ее применении к диалектной лексикологии и лексикографии, сравнивается с теорией феноменологической школы и системного подхода в теории понимания; делается попытка смоделировать языковое сознание личности диалектоносителя.

Ключевые слова: *Русская диалектная лексикология и лексикография, межкультурная коммуникация, тематический словарь русских народных говоров, языковая личность диалектоносителя.*

Понятие языковой личности, в том числе диалектной языковой личности, является предметом исследования современных гуманитарных дисциплин, объединенных стремлением понять и описать структуру, уровни сознания *Homo loquens* (человека говорящего). В отечественную лингвистику понятие языковая личность ввел В.В.Виноградов, развил в лингвистическую концепцию Ю.Н.Караулов, поддерживают многие лингвисты, культурологи, этнологи, социологи, философы. В центре их исследований три уровня и три аспекта рассмотрения языковой личности: 1) вербально-семантический; 2) когнитивный; 3) прагматический [7]. Следует заметить, что разделение языкового сознания на уровни диктуется скорее особенностями научного представления когнитивных процессов, интересом к тому или иному аспекту когнитологии самих исследователей, а не действительной обособленностью уровней в сознании человека. В живой речи они слиты: вербально-семантический уровень поддерживает когнитивный, сам когнитивный опирается на слово-понятие, а прагматический выстраивает сценарий вербальной реакции говорящего.

Сознание (языковое сознание) всегда интенционально. Оно всегда направлено на объекты или предполагает их, независимо от того, воспринимается ли объект сознания как элемент внешнего физического мира или внутренней субъективной реальности. Напряженность сознания наиболее высока в повседневной жизни, последняя накладывается на сознание наиболее сильно,

настоятельно и глубоко. Невозможно не заметить и трудно ослабить ее властное присутствие. «Среди множества реальностей существует одна, представляющая собой реальность *par excellence*. Это — реальность повседневной жизни. Ее привилегированное положение дает ей право называться высшей реальностью» [1, с. 41].

Повседневная жизнь представляет собой реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного мира. В философском смысле категория «повседневность» предстает как первооснова постижения, освоения и преобразования человеком окружающего мира. Все же прочие формы знания и деятельности являются производными от нее. Столь высокий «статус» рассматриваемой категории ставит перед исследователями задачу ее внимательного изучения. Прежде всего важно понять, каковы основные свойства повседневности и как они отражаются в языковом сознании рядовых людей.

Огромная роль в реальности повседневной жизни принадлежит языку. Любые формы взаимодействия людей без языка были бы невозможны. Язык становится объективным хранилищем огромного разнообразия накопленных знаний, жизненного опыта, которые можно сохранить во времени и передать следующим поколениям. С одной стороны, язык, как знаковая система, является чем-то внешним по отношению к индивиду, с другой – он оказывает на него принудительное влияние. Во-первых, каждый язык навязывает говорящему свою структуру. Так, нельзя

пользоваться правилами грамматики английского или французского языков, говоря по-русски. Кроме того, человек вынужден учитывать принятые стандарты правильной речи «внутри» того или иного языка. Предоставляя нам готовые типовые образцы речевого поведения в различных стандартных ситуациях, «язык также типизирует переживания и опыт, позволяя распределить их по более широким категориям, в терминах которых они приобретают значение для других людей» [1, с. 68].

Первое, с чем человек сталкивается в жизни, – это категоризация, то есть подведение всего, что его окружает, под некие общие разряды. Подведение под тип (разряд, «рубрику» опыта) происходит постоянно: обобщается то, что человек видит, что делает, о чем размышляет, что оценивает через призму своих чувств. Однако категоризация есть не только объединение, но и всякая типизация, и в этом смысле категоризация неотличима от концептуализации как процесс и результат выделения типовых смыслов. И категории, и концепты суть ментальные структуры, единицы памяти и языка мышления [9, с. 90], таким образом, мышление структурируется ментальными образованиями, которые можно назвать категориями и концептами в зависимости от угла зрения.

Главными для человека являются повседневные категории, за которыми стоят повседневные понятия – стихия материальной, приближенной к человеку повседневной жизни. В целом в повседневной жизни преобладает прагматический мотив, поэтому важное место в социальном запасе знания занимает знание рецептов: знание, сводящееся к практической компетентности в обычных делах, и знание рецептов, связанное с человеческими взаимоотношениями. Значительная часть социального запаса знания представляет собой рецепты решения повседневных проблем.

Знание этих рецептов составляет часть практического, обыденного сознания и здравого смысла. Неверно было бы представлять эти знания как примитивные умозаключения об окружающем мире, не способные конкурировать с результатами научных исследований. Вопрос о соотношении научного и вненаучного отражения мира является предметом обсуждения с незапамятных времен, но особую остроту эта проблематика приобрела в двадцатом веке (см. об этом: [2]). Монополия науки на истину была подвергнута сомнению представителями феноменологического направления в философии и социологии, прежде всего его основателем Эдмундом Гуссерлем. Он утверждал, что наука не дает возможности проникнуть в «жизненный мир». Наоборот, она подменяет живой человеческий мир миром объективированных абстракций. Проблема, которую

ставит Гуссерль в своей концепции «жизненного мира», есть проблема знания о мире как продукте и инструменте практической человеческой деятельности. При этом он подчеркивал необходимость изучения структуры обыденного сознания, обуславливающего любое и каждое знание.

В языке находит отражение особое представление о мире, «схваченное» со стороны субъекта сознания и заключающееся, прежде всего, в том, что восприятие и обработка поступающей и уже имеющейся информации зависят от компетенции познающего субъекта, от коллективных знаний языкового коллектива, к которому он принадлежит, таким образом понятийная картина мира и ее языковое выражение могут и должны различаться у разных носителей языка, в разных языковых коллективах в границах одного национального языка. Поэтому языковая картина мира в терминах науки и сознания лингвиста может отличаться (и отличается) от картины мира, представленной в высказываниях так называемых «наивных» носителей языка.

Следует признать правоту тех исследователей, которые ставят вопрос о различных способах хранения информации о слове в языковом сознании и манипулировании ею в зависимости от ментального склада и социальных, возрастных, профессиональных признаков носителей языка. Например, материал о языковой картине мира (ЯКМ) можно выбрать из словарей и текстов разных жанров, тогда получаемый конструкт представляет фрагмент ЯКМ «глазами» лингвиста, отбирающего и ранжирующего материал, моделирующего структуру понятия. Возможно, построенный концепт будет в большей степени результатом метаязыковой деятельности лингвиста, чем языковой компетенции говорящего (см. об этом: [4,5]). Во многих работах такой тематики традиционным остается показ лексических единиц с перечнем их значений и примерами употребления, как в толковом словаре. Хотя авторы снабжают лексемы энциклопедическими, историко-этимологическими справками, наблюдают парадигматические и синтагматические возможности лексических единиц, сам принцип толкования слова не меняется.

Смоделировать форму и особенности содержания слова-понятия, как они представлены в сознании носителя языка-нелингвиста, можно в процессе наблюдений за живой речью широкого круга информантов, фиксируя их ответы – толкования реалий, известных всем носителям русского языка, иначе говоря вербальные реакции на вопросы. Важным условием достоверности полученных данных является опрос по одной программе в границах единой методики. Такие материалы содержит картотека «Лексического атласа русских народных говоров» [10].

Картотека ЛАРНГ, как и опыт автора, демонстрирует отличия в содержании слова-понятия в народном говоре от аналогичного, принятого в литературном языке и научной картине мира, на всех уровнях языкового сознания диалектоносителя. На вербально-семантическом уровне это будут не только диалектные лексемы и более развернутые синонимические ряды слов, но и несовпадение в парадигматике и синтагматике слова в говорах с литературными аналогами. На когнитивном – иная группировка лексики в категории-концепты. Прагматический уровень представляет сценарии поведения и способы применения, иначе говоря, «рецепты жизни».

В структурировании многообразного опыта повседневной жизни (а именно в этой среде формируются говоры) ведущую роль играют сценарии поведения, способы применения – совокупность предписывающих и запрещающих параметров действия, практические знания, которые можно назвать «рецептами жизни» (М. Шюц; П. Бергер, Т. Лукман; вслед за ними термин использует Н.Л. Чулкина), «прописями» [1]. Место понятия и его оценка в языковом сознании диалектоносителя отвечают нуждам практической деятельности говорящего. Именно прагматическая область определяет место реалии в их понятийной и языковой картинах мира. Как показывает анализ языковой способности диалектоносителей в условиях живого общения, информация о слове в их понятийной, языковой картине мира представлена определенным специфическим образом, который отличается от традиционной лексикографической практики.

Задачам представления языкового сознания говорящего отвечает словарь определенного типа – идеографический (тематический). Идеографический тип словаря говоров предполагает, на наш взгляд, описание народного знания о мире – народной языковой картины мира – во всем ее своеобразии и отличиях от научной картины мира, сама структура такого словаря должна выявлять ведущие категории и понятия-концепты народной культуры. Все возможные разновидности идеографических словарей русских говоров определяются традицией диалектной лексикографии и соотносятся с известными диалектными толковыми словарями, различающимися принципами отбора лексики, территориальными и хронологическими границами. Так, в зависимости от базы данных выделяются словари, включающие лексику общерусскую и диалектную и отражающие круг общерусских и местных народных понятий как одного говора (например, говора д. Деулино Рязанского района Рязанской области в «Словаре современного русского народного говора»), так и ряда лексических систем говоров определенного региона. Такие

лексикографические опыты относят к общим, или недифференциальным. Другой возможный тип идеографического словаря – дифференциальный, ограниченный собственно диалектной лексикой одного говора или ряда говоров и основанный на материалах картотек большинства областных словарей, которые фиксируют только ареально ограниченную лексику. Это «Ярославский областной словарь», представляющий диалектную лексику на территории Ярославской области, или «Словарь русских народных говоров», вобравший в себя данные всех известных областных словарей и картотек.

Для воссоздания картины мира повседневности, представленной в говоре или говорах, требуется недифференциальное идеографическое описание лексики, включающее общерусские и местные названия понятий (в дифференциальном словаре системные отношения в лексике будут нарушены, а лексический состав неполон в силу самого принципа дифференциальности), следовательно, весь словарный состав говора, известный носителям диалекта. Это может быть словарь речений диалектоносителей, построенный на материалах ответов по вопросникам программы Лексического атласа русских народных говоров. Словарь идеографический (тематический), разделенный на части соответственно структуре и иерархии понятий языковой картины мира говорящего, т.к. далеко не всегда диалектная (донаучная, «наивная») языковая картина мира совпадает с научной, представленной в литературном языке. Выбранное направление описания – от понятия к слову (напротив, при отборе материала путь должен быть иным: от значения конкретного слова к понятию, объединяющему ряд лексем). Речения группируются вокруг выделенных понятий, при этом учитывается частотность, повторяемость определенных вербальных реакций.

Анализ тематических групп названий животных «Звери», «Скотина», «Птицы», «Гады» по речениям информантов [4,6] демонстрирует различие родо-видовых отношений, разную степень абстракции в конкретно-бытовой (повседневной) и научной картинах мира, отсюда нетождественность и неадекватность их представления в картине мира диалектного языка и языка литературного. Скрытые различия несут в себе родо-видовые народные названия природных объектов, обычно архаические и не сопоставимые с научными понятиями-лексемами, – *звери, птицы, рыбы и гады*. Они не соотносятся с научной классификацией животных, а дифференцируются по области обитания, по стихиям земли, воды, воздуха, подземного мира. В этом аспекте показательны сохранившиеся в народной культуре и говорах представления о нечистых животных *гадах*:

пресмыкающихся, земноводных, змееподобных рыбах (вьюны и угри), мышах, червях, гусеницах, кровососущих насекомых. Объединенные в одну группу в народной картине мира, они представляют разные классы в научной картине мира. Это противоречит научной систематизации, принятой в биологической науке, и объясняется отражением в языке донаучных архаических представлений о мире не только русских, но и всего славянского мира. Выявляется дифференциация понятий и лексем, с одной стороны, диалектного языка, а с другой, литературного, как знак отличия двух разных культурно-языковых кодов. Такие различия в структуре понимания лексики говора и литературного языка часто скрыты от поверхностного взгляда, но становятся заметными, если сопоставить ряд общих на первый взгляд понятий и лексем литературного языка и говоров и рассматривать слово как сумму определенной культурно-языковой информации.

Учитывая сказанное, в особенно трудном положении оказываются составители словарей диалектного языка. Как метод и модель описания диалектные словари предлагают путь от текста (слова) к смыслу. Такая модель имеет слабую сторону: «информация берется избирательно, только в границах собственной системы знания, не расширяя и качественно не меняя ее» [3, с. 44]. В этом случае под собственной системой знания лексикографа понимается знание научных категорий и соответствующих понятий-лексем литературного языка, т.к. средствами литературного языка истолковывается диалектное слово. Как следствие использования такой модели опасность не понять говорящего, носителя диалекта: выражение естественного языка многозначно, говорящий приписывает ему единственный смысл, в то время как слушатель (возможно не опытный диалектолог, а студент на диалектологической практике) может истолковать его в разных смыслах.

Направляющим принципом идеографического описания говора, а далее и культурного концепта, должно быть осознание системы, структуры, а не простого перечня понятий. Для этого необходимо *задать множество элементов* одной или нескольких лексических систем (имеется в виду говор или ряд говоров), но важнее *задать определенное отношение*, точнее, свойства этого отношения, чтобы показать лексическую систему как определенную целостность. «Исследование некоторого множества вещей и отношений между ними еще не дает знания системы. Для того, чтобы была выявлена система как определенная целостность, необходимо задать не множество, а определенное отношение, или точнее, свойства этого отношения», – справедливо подчеркивает И.В. Дмитриевская. И далее: «Система – это вещь, или множество, на котором реализуется

отношение с заранее фиксированными свойствами. Системообразующее свойство является *концептом* системы, системообразующее отношение – *структурой*, множество элементов – это *субстрат* системы» [3, с. 37-38]. Система таким образом может изучаться на трех уровнях – концептуальном, структурном, субстратном. Интересно отметить наложение уровней предложенного логиками системного подхода к анализу текста на выделенные Ю.Н. Карауловым уровни рассмотрения языковой личности; ср.: субстратный и вербально-семантический обозначают лексический состав естественного языка, концептуальный и структурный уровни анализа соотносятся с когнитивным. Незадействованным в логической теории понимания текста остается последний по порядку перечисления, но не по важности, прагматический уровень. В систему координат логических построений он не входит на наш взгляд, потому, что стоит над субстратом, структурой и концептом и управляет коммуникацией в целом.

Текст сообщает новое знание. Понимание нового предполагает установление определенного отношения этого нового к известному. Каждый раз в процессе понимания происходит переход от известного знания к новому, но сам переход может осуществляться разными путями. Один из них мы определили как путь от текста (слова) к смыслу. При этом новое знание присоединяется к известному, хорошо понятному знанию в тезаурусе слушающего. Слушатель, воспринимающий текст, не хочет изменить собственной концепции. Конструируя систему совокупного знания (нового и известного), он оставляет в качестве системообразующего известное знание, а новое подчиняет ему. В этом случае новое знание как бы выводится из того, что есть в тезаурусе слушающего. Таким образом, в определении феномена понимания важным представляется установление отношений между содержанием текста и содержанием тезауруса воспринимающего. Если воспринимающий (адресат или слушатель) не сможет установить адекватных отношений, то понимание будет затруднено или невозможно. Абстрактная схема, механизм понимания в реальной действительности может широко варьироваться, начиная с точного и полного понимания и кончая приблизительным и искаженным: это напрямую зависит от опыта и профессиональной подготовки исследователя-лингвиста, например, диалектолога, от условий общения и характера языковой личности информанта. Опытные лингвисты, бывавшие в диалектологических экспедициях, подтверждают реальность ситуации общения, когда понимание не происходит, говорят о случайности того или иного «открытия» диалектного слова. Общим выводом звучит наставление собирателей

и лексикографов быть внимательным и терпеливым, «вживаться» в говор, стремиться понять систему говора изнутри, следуя логике диалектного материала и не навязывая новому услышанному жесткой симметрии с литературным языком.

Чтобы понять систему говора, необходимо задать множество элементов одной или нескольких лексических систем (имеется в виду говор или ряд говоров), но важнее задать определенное отношение, свойства этого отношения, чтобы показать лексическую систему как определенную целостность. Такой методологический принцип применялся при анализе лексики говоров в словаре «Лексика природы» [4, с. 100-113].

Материалы опросов диалектоносителей, толкования информантами известных им реалий окружающего мира обращены в сферу их практической деятельности, погружены в повседневность. Говорящие признают такую информацию важной и полезной, существенно необходимой при толковании слова-понятия. Это подтверждают как материалы, полученные на территории Ивановской области, так и собранные в картотеке ЛАРНГ на территории Европейской части России. Весь ход рассуждений относительно толкования слов «наивными» носителями языка возвращает нас к словам Е.С. Кубряковой, «что человек становится точкой отсчета в анализе тех или иных явлений, что он вовлечен в этот анализ, определяя его перспективу и конечные цели» [8, с. 212].

Список использованной литературы

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М., 1995.

2. Денн М. Влияние феноменологии Э.Гуссерля на российскую науку 1910-1920-х годов [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2010. №6 (14). URL: <http://psystudy.ru>.
3. Дмитриевская И. В. Феномен понимания и предпосылочное знание // Феноменологические исследования. Обзор основных идей и тенденций. Российско-американский ежегодник. Владимир-Belmont, 1998.
4. Жмурко О.И. Лексика природы: Опыт тематического словаря говоров Ивановской области. Иваново, 2001.
5. Жмурко О.И. Экстралингвистическая информация в диалектном словаре//Новое в теории и практике лексикографии: синхронный и диахронный подходы. Иваново, 2009.
6. Жмурко О.И. Концепты народной культуры в идеографическом словаре русских говоров // Вестник Ивановского госуниверситета. 2006. №1.
7. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 2004.
8. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца 20 века. М., 1995.
9. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
10. Лексический атлас русских народных говоров: Пробный выпуск/Отв. редакторы Т.И.Вендина, И.А.Попов. СПб., 2004.
11. Панченко А.М. О русской истории и культуре. СПб., 2000.
12. Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров. СПб., 1994.
13. Чулкина Н.Л. Мир повседневности в языковом сознании русских: лингвокультурологическое описание. М., 2004.

Статья поступила 20.08.2011

Принята в печать 10.09.2011